

Социологические науки

УДК 316

Е.А. Карапетян

Карапетян Елена Аветиковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института (филиал) Кубанского государственного технологического университета (Армавир, ул. Кирова, 127), e-mail: otdelnauka@gmail.com

ОБЩИНА–МИР КАК ФАКТОР СУЩЕСТВОВАНИЯ КАЗАЧЬЕГО СООБЩЕСТВА

В статье рассматривается роль общинной организации в повседневной жизни казачьего населения Северного Кавказа. Автор анализирует ее значение в общественном сознании казачества, исследует те функции, которые были присущи ей в казачьем сообществе. Он также оценивает отношение казаков к своим правам и обязанностям в рамках существующей общинной организации, определяет особенности ее восприятия широкими слоями казачьего населения края.

Ключевые слова: община–мир, общинная организация, повседневная жизнь, северокавказский социум, казачья общность, северокавказский социум.

Е.А. Karapetyan

Karapetyan Elena Avetikovna, candidate of philological science, associate professor of department of humanities of Armavir institute of mechanics and

technology (branch) of the Kuban state technological university (127, Kirova St., Armavir), e-mail: otdelnauka@gmail.com

COMMUNITY–WORLD AS A FACTOR OF EXISTENCE OF THE COSSACK COMMUNITY

The article deals with the role of community organization in the daily life of the Cossack population of the North Caucasus. The author analyzes its importance in the public consciousness of the Cossacks, explores the functions that were inherent in it in the Cossack community. He also evaluates the attitude of Cossacks to their rights and duties within the existing community organization, determines the features of its perception by the broad layers of the Cossack population of the region.

Key words: community–world, community organization, daily life, North Caucasian society, Cossack community, North Caucasian society.

Существование в рамках северокавказского социума многих социальных и культурных групп, отдельных индивидов с различной социальной направленностью остро поставило проблему сохранения его единства, создания и совершенствования механизмов его равновесия и устойчивости. Основой для поддержания социального равновесия стало то, что с социумом были связаны сущностные потребности каждого его члена, главной из которых была потребность взаимодействовать с себе подобными на различных уровнях социального бытия.

Базовые характеристики северокавказского социума сложились под влиянием специфических региональных особенностей. На территории Северного Кавказа с момента его заселения действовали факторы, определившие своеобразие социальной организации данной территории в

сравнении с иными административно-территориальными единицами Российской империи. Среди них можно отметить следующие факторы:

- постоянные военные действия и длительный период заселения края;
- сохранение традиций в организации общественного бытия, самоуправления, норм военной демократии;
- сохранение военизированной казачьей общины–мира, полиэтничный характер территории и др.

Исторически сложившаяся организация социальной жизни обусловила три основных источника «образования и функционирования казачьей общности. Мы имеем в виду воинскую службу, земледелие и самоуправление» [1].

Данные сферы внутрижизнедеятельности социума в свою очередь определяли повседневную жизнь казачьего населения Северного Кавказа и характер социокультурной среды региона. Они обуславливали формы участия индивида в системе общественных связей, формировали представления определенного типа в сознании населения, отражавшие полифункциональный уклад регионального социального бытия: «Казачий быт исторически слагался под влиянием троякого рода условий: военной обстановки, хозяйственной деятельности и семейно-общественного уклада. Каждая из этих трех групп явлений имела определенное значение и свои особенности. Война требовала разрушений и жертв, хозяйство – производительного труда и экономического роста, а семейно-общественные формы жизни – духовного творчества и общественных устоев. Казак попеременно был то воином и жертвой, то рабочим и хозяином, то семьянином и общественным деятелем. И это разнообразие положений естественно налагало особый отпечаток на весь казачий быт и среду» [2].

В распространенных представлениях населения региона о «непостоянстве» и «зыбкости» человеческого существования, о «переменчивости судьбы» на обыденном уровне нашел выражение полифункциональный характер его социальной организации. Действительно,

периоды мирного труда прерывались военными конфликтами, часто менялись местапроживания, нередко были переходы из одного войска в другое, постоянно видоизменялся род и вид деятельности. Полифункциональность формировала особую направленность человеческого сознания: казак никогда не ощущал себя до конца ни пахарем, ни общественным деятелем, ни даже воином. В связи с этим формировался особый ментальный тип личности, для которой в полной мере приемлемы все эти виды деятельности, и вместе с тем ни один из них не является до конца освоенным и строго определенным.

Организацию данных видов социумной жизнедеятельности брала на себя община–мир, выполнявшая важную и необходимую функцию верховного арбитра. Она же определяла ориентиры социального развития, решая, какой вид деятельности наиболее перспективен в конкретный исторический момент. В этом контексте община–мир понималась населением региона не только как система управления социумом, но и как форма его изначального существования, первооснова его бытия, фундамент, на котором строятся все остальные общественные связи. Сохранение этой социальной организации с неизменной первоосновой в меняющихся общественно-политических условиях означала продолжение ее функционирования как единой системы, имеющей определенные уровни.

Община–мир как первооснова социума заняла важное место в повседневной жизни населения Северокавказского края: «Большую роль в повседневной жизни вольных казачьих обществ еще на раннем этапе их истории в крае играла казачья община или «курень», регламентировавший все нормы казачьего быта с их устойчивыми традициями коллективизма, взаимопомощи, начиная от трудовой деятельности – совместный выпас скота, артельное рыболовство, охота, воинское казачье «односумье», «складничество», различные «помощи», «испрягательство» – и кончая разнообразными их проявлениями в общественной жизни городков и станиц

– например, общестаничные праздники и торжества, совместное проведение досуга – посиделки, вечеринки и кулачные бои...» [3].

Община–мир находилась в центре общественно-политической жизни социума, поскольку все формы самоуправления и общественной организации казачества были непосредственно связаны с ней. С течением времени они не только не потеряли свою глубинную связь с первоосновой, но и значительно укрепили ее. К одной из таких форм можно отнести казачий круг, который «как вершина в поиске культурных форм самоорганизации, пронизывал всю жизнедеятельность казака. Здесь, образно говоря, он рождался как личность, здесь оценивали его дела, его ратный подвиг, здесь он заключал семейный союз, здесь искал и находил он социальную поддержку» [4].

В представлениях казачьего населения община–мир заменяла собой родину, поскольку таковой могло у казака и не быть, учитывая особенности его существования на еще неосвоенной территории края.

Исследователи пишут: «Четко обозначенного и зафиксированного сознанием «дома» у казаков не существовало. В любой момент казак с семьей, если таковая имелась, мог либо по указанию своего непосредственного начальства, реже по своему желанию отправиться в одну из областей российского Юга на пространстве от Терека до Черного моря и продолжать свою воинскую службу уже на новом месте, которое часто было совершенно неприспособленным для жизни и где приходилось все начинать заново» [5].

В данных социокультурных условиях именно община являлась островком стабильности в казачьей жизни, беспокойной и подверженной изменениям. Сохраняя прежние традиции, адаптируя и включая в свою орбиту новые ценности, она продолжала неизменно присутствовать в сознании казачества.

Вместе с тем в истории казачества имелись случаи, когда отдельные личности и целые сообщества противопоставляли себя общине–миру. Это противопоставление предполагало совершение криминальных

антиобщественных действий. В значительных масштабах они происходили с регулярной периодичностью, а в более мелких не прекращались никогда. Наиболее часто подобные действия обретали форму социального протеста, борьбы против существующего общественного устройства и законов, установленных государственной властью. В своем высшем проявлении они предполагали войну за изменение несправедливых порядков, насаждаемых государством. Конечной целью этой войны было создание общественного устройства, основывающегося на принципах «народной воли».

В общественном сознании был целый пласт представлений, отражающих эту сторону жизни казачества. В частности, представления о «правде», «лучшей доле» и т.д. Они были характерны для особой социальной группы казачества, находящейся за пределами традиционного общественного и государственного устройства и руководствующейся в своих действиях идеей независимого существования. Отличительной особенностью личности, входящей в данную группу, был неадаптивный способ мышления и отношения к окружающей социальной среде, что проявлялось в особых нормах поведения в конкретных жизненных ситуациях.

Индивидам данного типа было достаточно проблематично существовать в узких, строго ограниченных рамках устоявшейся общественной жизни. Они были непосредственными организаторами и активными участниками самых разнообразных антиправительственных движений, таких, например, как восстание Степана Разина, Емельяна Пугачева. Свою жизнь они нередко посвящали противостоянию с государственной властью и войсковой администрацией и другим формам индивидуального и коллективного протеста. Так, например, «в Черноморье на линиях существовали даже особого рода преступления, направленные на сведение счетов обиженных с представителями тех порядков, которые поддерживались сильнейшими за счет слабых. Такова была в известной мере роль полугайдамакских шаек: теми же тенденциями пропитаны были разбойничьи действия русских отщепенцев-перебежчиков к черкесам. За

зверскими приемами грабежей и насилием в обоих случаях нередко сквозили признаки протеста против личного произвола и сурового режима, созданного военными условиями и приспособленными к ним гражданскими порядками» [6].

Казачья община–мир носила замкнутый характер и была своеобразной корпоративной организацией в рамках северокавказской субкультуры. Никто из ее членов не мог под угрозой исключения отказаться от участия в общественно-политической жизни края, уклониться от исполнения налагаемых ею обязанностей. Войти в данную организацию было достаточно сложно, членство в ней давалось по праву воинской доблести, активного участия в ее организационных делах. «В старину голосование производилось поднятыми обнаженными клинками, и было очень легко сосчитать голоса всех полноправных членов общины (напоминаю: казак, не обладавший полностью прав, шашки не имел). Обезоруженные казаки вынуждены голосовать поднятием рук» [7]. Община–мир в представлении казачьего населения была особым сакральным центром, объединяющим всех и вместе с тем требующим полного подчинения и повиновения.

В отличие от внешнего окружения еще не обжитой, некультуренной территории, на которой действовали силы беспорядка и хаоса, в картине мира жителей региона она была олицетворением закона и порядка. В привычном и знакомом мире общинной жизни казак мог обрести внутреннее спокойствие, найти защиту от негативных воздействий внешней социумной среды. Находясь на военной службе, казак нередко полагал, что в первую очередь он защищает не вверенную ему территорию казачьего войска, а свою общину и те ценности и традиции, хранителем которых она является.

Вокруг общины–мира вращалась вся жизнь казака, и даже порывая с ней формально, выходя из ее подчинения, он продолжал сохранять тесную духовную связь с ней и зачастую ставил своей целью возвращение в нее, но уже на новых, приемлемых для него условиях. Представления об общине–мире казачьего населения Северного Кавказа были также неотделимы от

представлений о государстве и государственной идее, которые являлись противоположной стороной общинной мирской жизни.

Список используемой литературы:

1. *Скорик А.П.* Донская казачья субкультура как историческое явление // Научная мысль Кавказа. 1995. № 4. С. 73.
2. *Щербина Ф.А.* История Кубанского Казачьего Войска. В 2т. Екатеринодар, 1910–1913. Т. 2. С. 823.
3. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988 С. 502.
4. *Скорик А.П.* Донская казачья субкультура как историческое явление // Научная мысль Кавказа. 1995. № 4. С. 73.
5. *Акоева Н.Б.* Влияние пространственно-временного фактора на повседневную жизнь казачьего населения Юга России // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы VIII Международной научной конференции. Иваново. 2009. Часть 2. С.185.
6. *Щербина Ф.А.* История Кубанского Казачьего Войска. В 2т. Екатеринодар, 1910 – 1913. Т. 2. С. 835.
7. Слава Богу, что мы – казаки! // Авт.-сост. Алмазов Б. А. СПб, 1992. С. 36.